

Д. В. РУДНЕВ

## ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII В.

История формирования составного именного сказуемого в русском языке остается плохо разработанной темой в работах по истории русского языка. Пожалуй, наиболее разработан аспект, связанный с изменениями в способах выражения именной части сказуемого. Так, в работах [Патокова 1929; Лопатина 1966; Спринчак 1973] получила освещение история распространения в русском языке творительного предикативного имен существительных и прилагательных, а в работах Н. Ю. Шведовой [1948] история предикативного употребления полных форм имени прилагательного. Этим в основном и ограничивается вклад исследователей в историю составного именного сказуемого. До сих пор практически не нашла освещения история становления связочного компонента<sup>1</sup>. Единственный аспект, привлечший внимание исследователей в рамках этой темы, касается истории возникновения и распространения нулевой связки и причин этого синтаксического явления (см. работы Ф. И. Буслаева, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского, В. И. Борковского, Я. А. Спринчака, П. С. Кузнецова, В. Л. Георгиевой, Т. П. Ломтева, Р. Лермита и мн. др.).

Между тем история формирования связочных глаголов представляет несомненный научный интерес в нескольких отношениях. Во-первых, история связочных глаголов, прежде всего полузнаменательных, связана с формированием в русском языке различных средств выражения аспектуальных и модальных значений в предложении, таких как вспомогательные глаголы в составном глагольном сказуемом, вводные слова, частицы, категория вида и мн. др. Во-вторых, история связок является частью более общей истории формирования класса служебных слов. Так, можно констати-

---

<sup>1</sup> Единственными работами, где дается более или менее полное описание системы связок для определенного периода русского языка, являются статья Г. Н. Акимовой [1969] и раздел Н. Ю. Шведовой в «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» (М., 1964). Кроме того, ряд наблюдений над связками в русском языке более раннего периода содержится в работе [Ломтев 1956].

ровать, что процесс увеличения числа связок в русском языке соотносится с аналогичными процессами в области союзов, предлогов и частиц. Общим является и то, что пополнение числа служебных слов происходило за счет развития у ряда полнозначных слов отвлеченного значения. В-третьих, развитие системы связочных глаголов было обусловлено очень важными изменениями в синтаксических функциях именных частей речи, в частности имени существительного, которое в языке нового времени получает в составе предложения большую предикативность, чем прежде. Развитие связочных глаголов было следствием этого процесса, который интересен как одно из проявлений развития у различных частей речи вторичных синтаксических функций. Однако он представляет интерес и в ином отношении, а именно в отношении истории взаимного приспособления присвязочного компонента и глагола, развивавшего копулятивную функцию.

В данной статье речь пойдет о системе полузнаменательных связочных глаголов в русском языке XVII в.<sup>2</sup>: именно тогда, насколько можно судить

<sup>2</sup> Для анализа были привлечены следующие тексты конца XVI—XVII в., в которых были выявлены связочные глаголы: Статейный список И. М. Воронцова (1587—1589); Статейный список И. П. Новосильцева (1570); Статейный список Ф. А. Писемского (1582—1583); Статейный список Г. И. Микулина (1600); Статейный список Ф. Елчина (1639—1640); Статейный список П. И. Потемкина (1668—1669) (ссылки даются по изданию [Путешествия русских послов]);

Повесть о Фроле Скобееве; Повесть о купце, заложившемся о добродетели жены своей; Повесть об Ульянии Осорьиной; Повесть о Марфе и Марии; Повесть о Тверском Отроче монастыре; Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы; Сказание о киевских богатырях; Повесть о Сухане; Повесть об азовском осадном сидении донских казаков; Повесть об осаде Соловецкого монастыря; Повесть о семи мудрецах; Повесть о царе Аггее; Повесть о Бове королевиче; Повесть о Еруслане Лазаревиче; Повесть о Петре Златых ключей; Повесть о Брунцвике; Повесть о Василии Златовласом; Повесть об Аполлонии Тирском; Повесть о царице и львице; Сказание о царе Василии Константиновиче; Сказание о дереве златом и златом попугае; Повесть о рождении и похождениях царя Соломона; Повесть об астрологе Мустаеддыне; Повесть о португальском посольстве; Повесть о разуме человеческом; Беседа отца с сыном о женской злобе; Послание Алексея Михайловича на Соловки; Письмо Алексея Михайловича Никону о смерти патриарха Иосифа; Письмо Ф. П. Морозовой Аввакуму; Письмо Ф. П. Морозовой жене Аввакума Анастасии Марковне (ссылки даются по изданию [ПЛДР I]);

Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне; Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом; Басни Эзопа; Великое зеркало; Фацеции; Римские деяния; Повесть о Ерше Ершовиче; Азбука о голом и небогатом человеке; Сказание о роскошном житии и веселии; Калязинская челобитная; Сказание о попе Саве; Повесть о бражнике; Сказка о некоем молодце, коне и сабле; Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу; Послание к звавшим; Послание о хмеле; Стих о жизни патриарших певчих; Гр. Котошихин, О Московском государстве в середине XVII столетия; Повесть о житии Варлаама Керетского; Житие Епифания; Записка о жизни Ивана Неронова; Житие протоппа Аввакума; Протопоп Аввакум, Из кни-

по памятникам письменности, начинаются интенсивные изменения в системе русских связок. Невозможность описать все особенности связочных глаголов заставляет нас ограничиться освещением нескольких аспектов: 1) описанием набора полузнаменательных связок в XVII в. и его отличий от современной системы; 2) описанием особенностей семантики связочных глаголов в сравнении с современными; 3) описанием особенностей синтагматики связочных глаголов.

1. Первое, что бросается в глаза при анализе связочных глаголов XVII в., — это значительно меньшее их число и значительно более редкое употребление, чем в современном языке. Оставив в стороне глагол *быть*, сконцентрируемся на описании полузнаменательных глаголов, выполнявших в XVII в. связочную функцию. В отличие от современного русского языка граница между полузнаменательными и знаменательными глаголами не была четкой, многие полузнаменательные глаголы сохраняли связь с полнозначными глаголами, от которых они произошли (подробнее об этом в п. 2).

Из примерно 100 связочных единиц, выделенных в текстах XVII в., к полузнаменательным глаголам можно отнести около 40, которые объединяются в следующие группы<sup>3</sup>:

---

ги бесед; Повесть о боярыне Морозовой; Письма и послания дьякона Федора Иванова; Сочинения инока Авраамия; Записки о стрелецком бунте; Николай Спафарий, Описание Китая; Семен Ремезов, История сибирская; Семен Ремезов, Летопись сибирская краткая кунгурская (ссылки даются по изданию [ПЛДР II]);

[Безобразов];

Повесть о житии царя Федора Ивановича; Житие царевича Дмитрия Угличского; Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского; Новая повесть о преславном Российском царстве; Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства; Повесть о видении инок Варлааму в Великом Новгороде; Повесть о видении во Владимире в 1611 году; Видения Евфимия Чакольского 1611—1614 гг.; Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря; Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия; Житие Иринарха Ростовского; Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы богородицы; Хронограф 1617 года; Псковская летописная повесть о Смутном времени; И. А. Хворостинин, «Словеса дней, и царей, и святителей московских»; О причинах гибели царств (ссылки даются по изданию [БЛДР]).

<sup>3</sup> Число знаменательных связок, встретившихся в текстах XVII в., примерно такое же, как число полузнаменательных связок. Наиболее активно в функции употреблялись глаголы движения и положения в пространстве. Вот список встретившихся глаголов: а) *глаголы движения*: отойти/отходить (31), ходить (19), прийти/приходить (14), возвратиться (10), пойти (7), идти (5), приехал (5), пасть (5), изойти/исходить (4), свалиться (2), внити (2), бродить (2), ехать (2), прибежать (2), дойти, пройти, разойтись, ездить, доехать, поехать, езживать, выехать, разъехаться, бежать, бегать, проплыть, поскакать, урваться, дотащиться; б) *глаголы положения в пространстве*: лечь / лежать (17), стоять (11), сесть/сидеть (8), стать (3), востать, вскочить, воспрянуть, прилечь; в) *прочие глаголы*: жить (10), уродиться (3),

1) **фазисные связки:**

а) глаголы со значением возникновения признака: *стать* (107), *учиниться* (53), *сотвориться* (7), *(с)делаться* (2), *становиться*, *статься*;

б) глаголы со значением сохранения признака: *пребывать/ пребыть* (59), *остаться* (14), *обрестаться* (10), *остать*, *находиться*;

2) **модальные связки**<sup>4</sup>:

а) глаголы со значением субъективного обнаружения признака: *показаться/показываться* (23), *видеться* (5), *мниться* (3), *казаться* (2);

б) глаголы со значением объективного обнаружения признака: *явиться* (28), *обрестись* (13), *свершиться*;

3) **связки со значением называния признака.** Глаголы из этой группы отличаются значительным разнообразием: *назваться* (19), *именоваться* (18), *нарицаться* (15), *слыть* (14), *наречься* (9), *сказаться* (8), *писаться* (7), *зваться* (6), *называться* (3), *прослыть* (2), *пронаречься*, *пронарицаться*, *глаголаться*. Ярким отличием связочных глаголов называния от предыдущих групп является возможность их употребления не только в личной, но и в атрибутивных формах (причастие, деепричастие). Встретились такие формы, как *зовом(ый)* (10), *наречен* (6), *именуем(ый)* (5), *глаголемый* (2), *называющийся*, *называвшийся*, *нарицаемый*, *рекомый*, *прозван*.

Фазисные и модальные связки ни разу не встретились в неличной форме: неличные формы этих связок широко распространяются в русском языке начиная с XVIII в., ср.: *Но из самых доводов раждаются возражения, которые, оставишишь без ответа, могут почтены быть доказательствами противоположности того, что доказать стараемся* (Радищев, О человеке, о его смертности и бессмертии); *Приняв название живописца и сделавшись Автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей* (Новиков, Живописец). Это, видимо, связано с более древним происхождением связок со значением называния, в результате чего между связкой и именной частью установилась тесная связь, что позволило выступать сочетанию связочной и именной части во вторичной синтаксической позиции. В современном русском языке такое употребление широко распространено для самых разных видов связок, и, таким образом, составное именное сказуемое может рассматриваться как один из составных членов предложения [Золотова 1958; Аникина 1970].

Характер связочных глаголов и их число в XVII в. заметно отличаются от современной системы связок. Так, обращает на себя внимание почти

---

исчезнуть (2), пожить, напиться, служить, воспрянуть, спать, превалиться, сдаться, осиротеть, налиться, оставляться, преставиться, успеть, избыть и нек. др.

<sup>4</sup> В последние годы связки, включаемые в группу модальных, описываются с опорой на фигуру наблюдателя (работы [Апресян 1986; 1995; Кравченко 1993; Падучева 2004; Мещерякова 2005] и др.). Отсутствие систематического описания системы русских связочных глаголов с опорой на фигуру наблюдателя заставляет нас при описании исторического материала в качестве основной использовать традиционную классификацию.

полное отсутствие среди связок глагола *делаться/сделаться*, который очень широко распространился в русском языке с 1730-х гг. и на протяжении XVIII — первой половины XIX в. был серьезным конкурентом связки *стать*. Встретившиеся примеры показывают употребление этого глагола только в составе безличного предложения или конструкций, близких к безличным: *...все добро зделолась толка обыски взяв к Москве и крестьянь оказал три двора лудчихъ мусскихъ головъ шесть а женскова полу десет...* [Безобразов: 31)]<sup>5</sup>. Среди модальных связок отсутствуют глаголы *оказаться* и *представляться*, возникшие во второй половине XVIII в. Глагол *являться* еще не имел современного отвлеченного значения. Некоторые связки, хотя и присутствовали в языке, но были чрезвычайно редки в употреблении — так, очень редким по сравнению с XVIII в. оказывается употребление глаголов *остаться* и *считаться*.

Другой особенностью системы связок XVII в. является очень неравномерное употребление в позиции связок глаголов совершенного и несовершенного вида: полузнаменательные глаголы совершенного вида в большинстве случаев встречаются значительно чаще. Например: на 107 случаев употребления *стать* встретился лишь один случай употребления глагола *становиться*; на 53 случая употребления *учиниться* — два случая *чиниться*; на 28 случаев глагола *явиться* — 5 случаев глагола *являться* и т. д. Можно дать два разных объяснения этому факту. С одной стороны, причина может крыться в характере тех письменных памятников, которые до нас дошли: недостаточное развитие такого композиционного типа речи, как описание, становление которого происходит на протяжении второй половины XVIII в. и особенно в первой трети XIX в., отсутствие научного стиля не позволяло использовать в письменных текстах связочные глаголы в форме несовершенного вида. Но, с другой стороны, вполне возможно, что глаголы совершенного вида быстрее развивали связочное значение, чем глаголы несовершенного вида. Как показывают примеры, глаголы несовершенного вида часто продолжали сохранять старое, более конкретное значение, тогда как их видовой коррелят приобретал новое значение. Например: *Нынѣ ты нѣмъ творишиися, а вчера како глаголашь и вопил еси: «Поберегись, поберегись»?* (Фацеции, с. 94) — *И потомъ [королева] мя зелиемъ злымъ окормила, и от того окорму днесъ аз сотворихся трудоват велми, яко же нынѣ самъ зриши на мнѣ и тузу сию велию и такову* (Повесть о семи мудрецах, с. 255), где глагол *твориться* имеет значение «притворяться, делать вид», тогда как *сотвориться* имеет значение, аналогичное глаголу *стать*. Аналогичную ситуацию можно проследить в паре *яв-*

<sup>5</sup> Следует вместе с тем отметить связочное употребление глагола *делаться* в двусоставном предложении в переводном памятнике второй половины XVI в. «Назирателе». Ср: *...и нерадостны-дѣлаются сего ради смущени- и врежени- мокроты ихъ...* (л. 4 об.); *...таковаи нива бывает и дѣлается песчана- солена- и дика- ...* (л. 109).

ляться — явиться; ср.: ...и сего ради **совершенъ во отвѣтах и благъ и искусенъ являешися** (Повесть о португальском посольстве, с. 474) — *И егда здравъ болны явитица, повелѣваетъ възвѣстити себѣ* (Повесть о Савве Грудцыне, с. 52). Глагол *являться* имеет в данном случае значение «проявлять себя», тогда как глагол *явиться* имеет значение «оказаться».

Полузнаменательные связки, встречающиеся в текстах XVII в., обладают яркой функционально-стилистической окраской. Наиболее наглядно эту приуроченность разных связок к разным жанрам можно видеть на примере связок *стать, учиниться, сотвориться*. Связка *стать* является разговорной по своему происхождению и на протяжении XVII в. употребляется в текстах, которые отражали разговорную речь. Например, в произведениях протопопа Аввакума эта связка широко представлена: *И с тѣхъ мѣсть царь на меня кручиновать сталь...*; *И онѣ [иноземцы] до меня и добры стали, и жены своя к женѣ моей привели...* (Житие протопопа Аввакума. С. 374—375, 379). В деловых текстах, в переписке, а также в произведениях, ориентированных на деловую речь (например, у Григория Котошихина) вместо связки *стать* использовалась связка *учиниться*: *И нынеча брат его Еган государю нашему учинился супротивен, со государя нашего з злыми людьми с изменники отступил...* (Статейный список И. М. Воронцова, с. 46); *По смерти же того царя на Московскомъ царствѣ учинился царем сынъ его царевичъ Феодоръ Ивановичъ...* (Гр. Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия. С. 252). В текстах, ориентированных на церковно-книжную традицию, могла использоваться связка *сотвориться*, которая в текстах, связанных с разговорным и деловым языком, избегалась: *И потомъ [королева] мя зелиемъ злымъ окормила, и от того окорму днесъ аз **сотворихся трудоват** велми, яко же нынѣ самъ зриши на мнѣ и тугу сию велию и такову* (Повесть о семи мудрецах. С. 255). Впрочем, в этом случае вместо *сотвориться* чаще использовалась форма аориста связочного глагола *быть*, которая имела значение фазисной связки, ср.: *Услышав же от Александра слово се, Лодвикъ аки от сна возбудився, и воста, и **здрав бысть*** (Повесть о семи мудрецах).

Таковы наиболее общие наблюдения над употреблением связочных глаголов *стать, учиниться, сотвориться*; в реальности ситуация была значительно сложнее в связи с появлением новых жанров, в частности в связи с переводами произведений европейской литературы на русский язык. Переводчик при переводе мог ориентироваться на различные типы русских текстов. Но часто перевод оказывался гибридным по своим языковым характеристикам текстом, соединявшим черты высокой книжности и делового языка или делового языка и разговорного. В этом случае в пределах текста встречаются разные связки. Впрочем, к употреблению в пределах одного текста различных синонимичных связок могли приводить и особенности сочетаемости связок (см. п. 3).

Стилистический аспект в употреблении связок проявлялся и иным образом. Выше уже отмечалось, что связки в XVII в. могли употребляться не

только в новом значении, но и в значении, которое восходило к первичному значению глагола. Употребление связочного глагола в старом значении было характерно для церковной книжности; наоборот, в текстах, отражавших черты делового языка или разговорной речи, связки употреблялись в новом значении. Сказанное можно продемонстрировать на примере глаголов-связок *показаться* и *явиться*. Оба глагола развили модальное значение субъективного и объективного обнаружения признака соответственно. Первичное же значение этих глаголов можно описать как «выказывать, проявлять себя». Ср. употребление этих глаголов в новом и старом значении: *Егда же я былъ малъ и утробю боленъ, и даша мнѣ з зѣмли, с могилы его, пить, здравъ явихся донынѣ* (Спафарий. Описание Китая. С. 565) — *И аще зять мой приятелствен ми явится, и аз от имѣния своего удоволю его...* (Повесть о Марфе и Марии. С. 107); *О милая моя кралевна, прекрасное лице твое видѣхъ, и сердце мое претрашилось, **показася** лице твое и красота не **человѣческая**, но **ангельская*** (Повесть о Петре Златых ключей. С. 339) — *Сами же вси здравы отшедше, **яко победители** над враги **показашася*** (Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря. С. 324).

Последнее замечание стилистического порядка об употреблении связок касается их частотности в текстах XVII в. Наблюдения показывают, что связочные построения были присущи прежде всего текстам, отражавшим черты разговорной речи. Текст, ориентированный на высокую книжность, строился с опорой на глагольное сказуемое: в ряде текстов, относящихся к церковно-книжной письменности, именно сказуемое практически не встречается. Это может свидетельствовать о сознательном отказе автора текста от именных конструкций как стилистически сниженных.

2. Полузнаменательные глаголы в русском языке организуются в систему. Системный характер отношений между связками предопределяется самой структурой предложений с именным предикатом, являющихся средством выражения в языке логических пропозиций. В отличие от событийных пропозиций, которые «портретируют» действительность», логические пропозиции «представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях» [Шмелева 1988: 12]. Следствием этого является более субъективный характер логических пропозиций, которые «зависят от взглядов автора... тогда как событийные пропозиции он как бы только фиксирует» [Там же: 14]. Полузнаменательные глаголы в составе предложения выступают и как показатель того, как интерпретируется говорящим связь между объектами или между объектом и признаком логической операции (модус), и как указание на источник полученных знаний, поскольку «в основе мысли, выраженной посредством языка, лежит восприятие» [Кравченко 1993: 50]. Последнее объясняет, почему значительное число полузнаменательных связок образовалось на основе глаголов восприятия, для которых, как отмечает Е. В. Падучева, является типичным развитие ментального значения [Падучева 2004: 199].

Связочные глаголы в XVII в. имели ряд отличий в своей семантике от современных связок. Как уже отмечалось, связки в различных текстах могли употребляться как в новом, отвлеченном значении, так и в старом значении, восходящем к первичному значению некогда полнозначного глагола. Это свидетельствует о том, что XVII в. был временем активного формирования современной системы связок. Однако проблема не исчерпывается только этим. Даже употребляясь в новом значении, ряд полусвязочных глаголов имел диффузную семантику, далекую от современной однозначности. Сами границы между разными семантическими разрядами связок оказывались нечеткими. Отчасти это было связано с тем, что связки не возникали по отдельности, а изначально вступали в системные отношения с другими связками. Проиллюстрируем данное положение несколькими примерами.

Глагол *стать* в современном русском языке имеет фазисное значение, которое указывает на возникновение предикативного признака. Между тем в XVII в. этому глаголу было присуще не только фазисное, но и модальное значение, которое на современный русский язык можно передать при помощи глаголов «оказаться», «выйти»; ср.: *Сего деи эрль Эксетцкому суд был, и судили деи его вотчинные большие двадцать четыре князя; и по суду деи Эксетцкой стал виноват и осужден на смерть* (Статейный список Г. И. Микулина. С. 180—181); ... *а что Азсторохани не взяли и людей истреряли, и то деи шаху стало за честь же...* (Статейный список И. П. Новосилцева. С. 86); ... *и содѣлаша гробъ каменень, и понесоша во церковь, и той гробъ стал коротокъ* (Житие царевича Димитрия Угличского. С. 122—124). Употребление связочного глагола *стать* в модальном значении прослеживается до конца XVIII в. Сохранение у связки *стать* модального значения позволяло ей выступать в качестве вводного слова и опорного слова для придаточного изъяснительного<sup>6</sup>; ср.: *Когда в российских городах заводят университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных* (Фонвизин. Друг честных людей или Стародум. 1788); *Стало, сия причина находится в зависимости от действия отражательного...* (Батулин. Исследование книги «О заблуждениях и истине». 1790); *Поэтому и стало, что все от тово только зависит, чтоб те хороши были, коим хотеть-та надобно, чтоб он был таков или инаков* (Порошин. Записки. 1764—1765).

В современном русском языке внутри группы модальных связок четко противопоставляются глаголы со значением субъективного обнаружения признака глаголам со значением объективного обнаружения признака; ядром первой подгруппы является глагольная пара *казаться/показаться*, ядром второй — глагольная пара *оказаться/оказываться*, см. [Чернов 1976].

<sup>6</sup> Подробнее о генетической связи между связочными глаголами, опорными словами в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным и вводными словами см. [Руднев 2010б].

Глагольные связки *казаться/показаться* и *оказаться/оказываться* имеют как сходство, так и различие: генетически восходя к глаголам восприятия, они сохраняют в своей семантике указание на фигуру наблюдателя. Декаузативный глагол воображаемого восприятия *казаться* содержит указание на наблюдателя в форме экспериента, выраженного именем существительным или местоимением в дательном падеже. Ю. Д. Апресян отмечает у этого глагола «идею несовпадения говорящего и наблюдаемого объекта», идею расстояния между ними [Апресян 1986: 25]. Выступая в качестве связки, глагол *казаться* характеризует связь между объектом и его признаком как основанную на зрительном восприятии наблюдателем разнообразных, как очевидных, так и менее очевидных признаков объекта. Эта связь может оказаться ошибочной, поскольку глагол *казаться* допускает ложность восприятия [Апресян 1995: 381, 384].

Глагол-связка *оказаться* также включает указание на наблюдателя; выявляемая глаголом связь между объектом и признаком представляется как неожиданная для наблюдателя<sup>7</sup> — неизвестная ему или противоречащая его предварительным знаниям<sup>8</sup>. В отличие от глагола *казаться*, относящегося к числу глаголов перцептивного состояния, глагол *оказаться* относится к числу моментальных глаголов [Апресян 1995: 224; Падучева 2004: 482]. Глагольные связки *казаться* и *оказаться* регулярно вступают в антонимические отношения, ср.: *...многое из того, что современникам казалось шутовским и не стоящим внимания, в действительности оказывалось совсем другим* (Гарин-Михайловский. Гимназисты).

Глагол *казаться* встречается в качестве связки уже в древних текстах, тогда как глагол *оказаться* до второй половины XVIII в. в качестве связки не употреблялся: в XVII в. в похожем значении выступали глаголы *обрестись, явиться*, а с первой трети XVIII в. — *найтись*. Все эти глаголы относятся к тематическому подклассу глаголов происхождения [Падучева 2004: 207—208]<sup>9</sup>: в результате происхождения (с экспериентом, объектом или преградой) объект входит в сознание экспериента, вследствие чего экспериент узнает нечто об объекте. В формировании семантики объективного обнаружения признака участвовала категория вида — в данном значении глаголы *явиться, обрестись, найтись* встречаются только в форме совершенного вида. Описанное выше модальное значение глагола *стать* отмечается у него только в форме совершенного вида.

<sup>7</sup> Компонент «ожидание» выделяет у глагола *оказаться* Е. В. Падучева, см. [Падучева 2004: 47].

<sup>8</sup> Ср. значения этой связки, выделяемые Л. В. Поповой: 1) значение обнаружения, выяснения признака, когда признак неожиданно становится очевидным в результате восприятия, наблюдения, умозаключения, вывода (*Салон оказался небольшой, уютной гостиной*, Ю. Тынянов); 2) значение преодоления сомнения говорящего в наличии или подлинности признака (*Сведения оказались ложными*, Б. Пастернак). См. [Попова 2005: 78].

<sup>9</sup> Ю. Д. Апресян включает его в группу событийных глаголов.

В XVII в. четкого противопоставления двух подгрупп модальных связок еще не существовало, и одни и те же глаголы могли использоваться для выражения как субъективного, так и объективного обнаружения признака. Например, глагол *показаться*, выражающий в современном русском языке значение субъективного обнаружения предикативного признака, в XVII в. в ряде случаев мог употребляться в значении современного глагола *оказаться*; ср.: *Потом по малой хвили онъ немочной, которой видѣлся трудоватъмь, **показался** велми **свѣтель** и пошелъ къ небеси* (Римские деяния. С. 173); *Слышаиши же юродство и ругание вѣмѣняху быти слово, еже постѣжде дѣйствителнѣ збывишееся **показася истинно*** (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 168)<sup>10</sup>. Наоборот, глагол *явиться*, развивший в языке значение объективного обнаружения признака и ушедший из языка в таком значении в начале XIX в.<sup>11</sup>, мог выражать и значение, которое выражал глагол *показаться*: *Намъ же [пирог] **явися** самыя добрыя пшенишныя мукы на кравиемъ маслѣ **жаренъ*** (Повесть о португальском посольстве. С. 482).

Кроме перечисленных полузнаменательных связок, нечеткость семантики обнаруживал глагол *остаться*. В XVII и отчасти в XVIII в. он выражал два совершенно разных значения: «оказаться в каком-либо состоянии, положении; стать кем-либо, чем-либо, каким-либо» и «продолжить быть каким, кем, чем, в каком состоянии» [Слря XI—XVII вв., 13: 148; Слря XVIII в., 17: 156.]. В современном русском языке значение приобретения признака также может выражаться этим глаголом (ср. *остаться сиротой, вдовой*), но в целом сфера выражения этого значения стала заметно уже. В ряде случаев в современном русском языке это значение стало выражаться при помощи глаголов *стать* или *оказаться*. Так, странным для носителя современного русского языка выглядит употребление глагола *остаться* в предложении *Егда же бысть Брунцвикъ по смерти отца своего Штылфрида, **остася во всем богатстве** его, и начат княжение отца своего Штылфрида держати и правити с великим разсмотрением...* (Повесть о Брунцвике. С. 374).

Колебание в семантике полузнаменательных глаголов в XVII в. можно объяснить следующим образом. В языке этого времени происходит активизация модели предложения с составным именным сказуемым; лежащая в ее основе семантическая структура создает условия для выражения определенных обобщенно-грамматических значений (прежде всего фазовых и модальных), которые характеризуют связь между объектом и его признаком. Язык предоставлял для выражения этих значений глагольные лексемы, которые на начальном этапе десемантизации в зависимости от контекста могли выражать разные значения. Однако постепенно зависимость значения связки от контекста преодолевалась, и язык вырабатывал более однозначные средства выражения обобщенно-грамматических значений.

<sup>10</sup> См. также [Слря XI—XVII вв., 16: 144].

<sup>11</sup> Ср.: *Тому отдает она сердце свое, кто **явится** его **достойнейшим*** (Нарежный).

3. Обзор системы полузнаменательных связочных глаголов XVII в. будет неполным без наблюдений над особенностями их сочетаемости — левосторонней (с подлежащим или субъектным детерминантом) и правосторонней (с именной частью).

Особенности левосторонней сочетаемости сводятся к следующему. Во-первых, в качестве подлежащего значительно реже, чем в современном русском языке, встречаются неличные существительные. При этом следует отметить, что разные связки обнаруживали неодинаковую способность к расширению левосторонней сочетаемости за счет неличных существительных. Если сравнить три связки с близким значением *стать*, *учиниться*, *сотвориться*, то обнаружится, что их **семантические** свойства оказываются неодинаковыми: у глагола *сотвориться* из 7 случаев употребления 3 случая приходится на предложения с неличным подлежащим; у глагола *учиниться* на 53 случая употребления таких примеров оказывается 4; у глагола *стать* в 30 предложениях из 107 встречается неличное подлежащее. Например: *Жено, что обнищахомъ и в велицей скудости дом нашъ **сотворися**?* (Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 490); ... *на Москвѣ у меня бес твоего здоровья велми время **учинилос безрыбно** а на Наре мною что нне **рыбно**...* [Безобразов: 45]; ... *и такъ деревнишко бѣз нас **стала роззорена** а топерво гсдрь батюшко и до конца деревнешко **стало в раззорене** и нам стало вперед надеетца не на что деревнишка **стали** бѣз насъ **роззорены**...* [Там же: 62].

Фазисные связки со значением возникновения признака могли употребляться не только в двусоставном предложении, но и в безличном предложении. В изученных текстах было выявлено 6 безличных предложений с глаголом *учиниться* (почти все случаи в сочетании со словом *ведомо*) и 22 — с глаголом *стать*; с глаголом *сотвориться* не встретилось ни одного примера. Например: *По нѣкоем же случае **явственню учинися** о немъ и самому государю* (Повесть о Савве Грудцыне. С. 49); *И от того времени, господия моя, **стало** у мене **быти** в темнице **нужно**, и **чадно**, и **пыльно**, и **горко** от дыма, многожды умирал от дыма* (Житие Епифания. С. 332). Два случая употребления глагола *(с)делаться* встретились только в безличных предложениях: ... *а в Помѣсномъ приказе **худенка дѣлаетца** по тому подячие за роботу **хотят**...* [Безобразов: 37].

Приведенные примеры свидетельствуют, что более новые по времени возникновения связки (*стать*, *(с)делаться*) оказываются более гибкими к изменению структуры фразы, в частности к процессу распространения безличного предложения со словами категории состояния. Кроме того, более новые связки активнее используются в двусоставных предложениях с неличным подлежащим, доля которых начинает постепенно расти в языке нового времени (и особенно с XVIII в. в связи с формированием научного стиля). У глаголов *сотвориться*, *чиниться* продолжала сохраняться связь с активным (волютивным) субъектом действия, что, конечно, не закрывало им полностью путь к расширению левосторонней сочетаемости в результа-

те аналогического воздействия со стороны глагольной связки *стать*, что показывают примеры с глаголом *сотвориться*.

Из особенностей левосторонней сочетаемости глаголов со значением обнаружения признака можно отметить следующее. В современном русском языке глаголы со значением субъективного обнаружения признака (*казаться, показаться, представляться* и др.) устойчиво употребляются с дательным субъекта восприятия; глаголы со значением объективного обнаружения признака (*оказаться, выйти* и др.) с дательным субъекта восприятия, наоборот, не сочетаются. Как отмечалось в п. 2, в языке XVII в. граница между глаголами этих двух групп была еще неустойчивой, поэтому один и тот же глагол мог употребляться как с дательным субъекта восприятия, так и без него. Например, глагол *явиться* обычно указывал на объективное обнаружение признака, ср. *Таковии благоискусныхъ спасения началоподвижниковъ духовнии воины, иже во время лютейшаго искушения явишася крѣпцы...* (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 189); но в некоторых случаях присоединение к нему личного имени в форме дательного падежа указывало на то, что обнаружение признака имеет субъективный характер: *Намъ же [пирог] явися самыя добрыя пищенныя муки на кравиемъ маслѣ жаренъ* (Повесть о португальском посольстве. С. 482).

Аналогичным образом глагол *показаться*, уже в XVII в. использовавшийся главным образом для указания на субъективный характер обнаружения признака (например: *И королевна всю ночь сидѣла на древѣ до свѣта, плакала и въздыхала, и в той печали долга ночь ей показалась...* (Повесть о Петре Златых ключей. С. 353), мог использоваться и для указания на объективный характер обнаружения признака, ср.: *И тако вкутъ вси собравшеся и твердыню сию занявше, могутъ над нами побѣдители показатися* (Сказание Авраамия Палицына. С. 246); *И [лед] елико прежде жесточайшъ и камень обретеся, толико послѣжде мягчайшъ и удоборастанъ показася* (Повесть об осаде Соловецкого монастыря. С. 179). В последнем примере значение объективного обнаружения признака глагола *показаться* подчеркивается употреблением в пределах той же фразы глагола *обрестись*.

Некоторые глаголы из этой группы не имели отмеченной выше неустойчивости. Так, глагол *обрестись* всегда указывал только на объективный характер обнаружения признака, ср.: *...и [Домна] абие в той час бысть недвижима от лютаго бѣса и обрѣтеся здрава* (Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы богородицы. С. 46), а глагол *видеться*, наоборот, на субъективность обнаружения признака: *А я на нихъ не дивую; и сами ани тому не ради: имъ онъ видица добрай человекъ* (Письмо Ф. П. Морозовой Аввакуму. С. 581).

Особенности правосторонней сочетаемости (с присвязочным компонентом) в языке XVII в. отчасти определяются двумя общими процессами: расширением предикативного употребления имен существительных в форме творительного падежа и постепенным увеличением предикативного

употребления полных форм имени прилагательного. Из особенностей выражения присвязочной части при полузнаменательных глаголах обращает на себя внимание довольно широкое употребление предложно-падежных форм существительного при некоторых связках. Невозможность осветить правостороннюю сочетаемость всех полузнаменательных связок заставляет ограничиться только некоторыми наиболее частотными связками.

Предложения с глаголами *показаться/показываться* встретились 23 раза, именная часть при этих глаголах употреблялась 30 раз. Способы выражения распределились следующим образом: краткое прилагательное — 13, существительное в им. п. — 8, полное прилагательное в им. п. — 4, краткое причастие — 3, существительное в тв. п. — 1, превосходная степень прилагательного — 1.

Предложения с глаголом *явиться* встретились 28 раз, именная часть при этой связке употреблялась 33 раза, из них краткое прилагательное — 22, существительное в им. п. — 6, превосходная степень прилагательного — 2, краткое причастие — 1.

Эти данные показывают, что в XVII в. основным способом выражения именной части при глаголах со значением обнаружения признака было краткое прилагательное и существительное в именительном падеже, на которые приходится более двух третей случаев; творительный падеж существительного и полное прилагательное в им. п. еще находятся на периферии.

Способы выражения именной части при глаголах *учиниться* и *стать* имеют большее разнообразие. Глагол *учиниться* встретился в исследованных текстах 53 раза, именная часть при этом глаголе встретилась 54 раза. Способы выражения именной части распределились следующим образом: а) в предложениях с подлежащим, обозначающим лицо: существительное в тв. п. — 16, краткое прилагательное — 13, существительное в им. п. — 6, предложно-падежные формы существительного — 5, краткое причастие — 1; б) в предложениях с неличным подлежащим: предложно-падежные формы существительного — 3, краткое прилагательное — 1, полное прилагательное в им. п. — 1; в) в безличных предложениях 6 раз отмечены слова категории состояния.

Глагол *стать* встретился 107 раз, именная часть при этом глаголе была употреблена 133 раза. Выражение именной части сказуемого распределилось так: а) в предложениях с подлежащим, обозначающим лицо: краткое прилагательное — 38, предложно-падежные формы существительного — 17, полное прилагательное в им. п. — 3, существительное в им. п. — 2, компаратив — 2, полное прилагательное в тв. п. — 2, существительное в тв. п. — 1, придаточное предложение — 1; б) в предложениях с неличным подлежащим: краткое прилагательное — 22, предложно-падежные формы существительного — 7, краткое причастие — 4, количественный оборот — 2, полное прилагательное в им. п. — 1, превосходная степень прилагательного — 1, сравнительный оборот — 1; в) в безличных предложениях: слова категории состояния в положительной степени — 25, в форме компарати-

ва — 2, предложно-падежная форма существительного — 1, сочетание *не-чего* + инфинитив — 1.

Правосторонняя сочетаемость глаголов *учиниться* и *стать* имеет сходства и различия. В качестве именной части сказуемого обоих глаголов широко представлено краткое прилагательное и предложно-падежные формы существительного. Вместе с тем заметно существенное отличие в их сочетаемости: у глагола *учиниться* в качестве присвяточной части активно употребляется существительное в тв. п. и им. п., тогда как глагол *стать* вообще сочетается с существительным значительно реже, а случаи творительного предикативного при нем единичны. Преимущественная сочетаемость связки *стать* с прилагательным сохраняется и в XVIII в.

Не имели унифицированной правосторонней сочетаемости и связочные глаголы со значением названия. Сравним три наиболее частотных связочных глагола этой группы — *назваться*, *именоваться* и *нарицаться*. Связка *назваться* встретилась 19 раз, именная часть была употреблена с этим глаголом 24 раза: существительное в тв. п. — 19, существительное в им. п. — 4, краткое прилагательное — 1. Связка *именоваться* встретилась 18 раз, именная часть при этом глаголе — 20 раз. Из этого числа существительное в им. п. — 17, существительное в тв. п. — 1, существительное в род. п. — 1, существительное в предложно-падежной форме — 1. Связка *нарицаться* встретилась 15 раз, именная часть при ней — 17 раз: существительное в им. п. — 8, существительное в тв. п. — 5, полное прилагательное в им. п. — 3, краткое прилагательное — 1. Таким образом, даже глаголы названия, обладавшие наибольшей семантической близостью, не обладали единой синтагматикой. В данном случае различия в употреблении существительного в именительном и творительном падеже в составе именной части, по-видимому, были обусловлены функционально-стилистической окраской связок: более разговорная связка *назваться* тяготела к употреблению с новой предикативной формой существительного, то есть с творительным падежом; наоборот, книжная связка *именоваться* — к употреблению с более книжной формой связки, то есть именительным падежом существительного. Глагольная связка *нарицаться* по своей сочетаемости стояла ближе к связке *именоваться*.

Как видно из приведенных данных, правосторонняя сочетаемость полузнаменательных глаголов имела некоторые общие черты: так, можно отметить редкость полной формы и доминирующее положение краткой формы прилагательного в присвяточной части. Если оставить в стороне глагол *учиниться* и *назваться*, то у существительного основной предикативной формой существительного является форма именительного падежа. У глагола *учиниться* большая часть случаев творительного предикативного приходится на три слова — *король*, *царь* и *государь*. Факт преимущественного употребления существительного в именительном падеже при полузнаменательных связках в XVII в. несколько подрывает широко распространенную точку зрения о том, что распространение творительного пре-

дикативного существительного происходило под влиянием именных конструкций с полузнаменательными связками.

Однако при общих чертах наблюдаются и отличия в синтагматике разных семантических групп связок: при глаголах со значением приобретения признака в XVII в. широко употреблялись различные предложно-падежные формы (главным образом «в + предл. п.»), которые уже в XVIII в. быстро уходят из употребления и не типичны для современного языка. Например: *У меня перешиб, брате мой милый Осетрь, и жаль мнѣ тебя, не позинь ты напрасно, а ныне ты мнѣ стал не в чюжихъ* (Повесть о Ерше Ершовиче. С. 180); *Како таковая великая и преславная земля во всѣхъ земляхъ стала в разорении, и такое Великое царство в заустънии, и таковая великая царьская ризница в расточении!* (Новая повесть о преславном Российском царстве. С. 176); *...такъ сердце его в великой сердечной тягости стало по ней* (Повесть о Петре Златых ключей. С. 331). По-видимому, уход этих форм из присвязочной позиции был связан со становлением моделей «прийти в» и «впасть в»<sup>12</sup>, которые активизируются в XVIII в.

Анализ полузнаменательных связок в языке XVII в. позволяет сделать вывод о том, что системные связи между ними еще не сформировались в полной мере, хотя связки уже объединяются в группы в зависимости от выражаемого ими значения. Однако эти группы еще не четко противопоставлены друг другу, что находит свое выражение как в способности отдельных связок выражать разные значения, так и в отсутствии унифицированной синтагматики у связок, относящихся к одной группе. Все это свидетельствует о том, что в XVII в. связочная система находилась в стадии активного становления.

## Л и т е р а т у р а

Акимова 1969 — Г. Н. А к и м о в а. Полузнаменательные и знаменательные связки в языке Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения). Вып. 2—3. Казань, 1969. С. 223—233.

Аникина 1970 — Л. В. А н и к и н а. Составные именные члены предложения с глаголом-связкой в форме инфинитива (на материале современного русского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Апресян 1986 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—37.

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. 1—2. М., 1995.

Безобразов — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006.

Золотова 1958 — Г. А. З о л о т о в а. К вопросу о способах выражения членов предложения // Рус. яз. в школе. № 1. 1958. С. 23—28.

<sup>12</sup> Об истории этих конструкций см. [Руднев 2010а].

Кравченко 1993 — А. В. Кравченко. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 52. № 3. 1993. С. 45—56.

Ломтев 1956 — Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.

Лопатина 1966 — Л. Е. Лопатина. К истории творительного предикативного в славянских языках // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXV. Вып. 6. 1966. С. 500—508.

Мещерякова 2005 — Е. М. Мещерякова. Фигура наблюдателя в семантике грамматики (на материале видо-временных форм русского глагола) // Московский лингвистический журнал. Т. 8. № 2. 2005. С. 22—38.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике и лексике. М., 2004.

Патоква 1929 — О. В. Патоква. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке // *Slavia*. R. VII. S. 1. 1929. С. 1—37.

ПЛДР I — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга первая. М., 1988.

ПЛДР II — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989.

Попова 2005 — Л. В. Попова. Система связок именного сказуемого в современном русском языке. Архангельск, 2005.

Путешествия русских послов — Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. СПб., 2008.

Руднев 2010a — Д. В. Руднев. Из истории формирования фазовых модификаторов в сфере именных предикатов состояния // Вестник СПб ГУ. Сер. 9. Вып. 3. 2010. С. 186—194.

Руднев 2010б — Д. В. Руднев. О роли глагольных связок в формировании семантики опорных слов сложноподчиненного предложения // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике. Тюмень, 2010. С. 102—109.

Слря XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—.

Слря XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17 (Оный — Открутить). СПб., 2007.

Спринчак 1973 — Я. А. Спринчак. Развитие творительного предикативного в славянских языках // Русский язык в его связях с украинским и другими славянскими языками (Тезисы докладов и сообщений). Симферополь, 1973. С. 231—234.

Чернов 1976 — В. И. Чернов. Полузнаменательные связочные глаголы в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. Куйбышев, 1976. С. 71—88.

Шведова 1948 — Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 102—126.

Шведова 1964 — Н. Ю. Шведова. Изменения в системе простого предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964. С. 20—217.

Шмелева 1988 — Т. В. Шмелева. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.

D. V. RUDNEV

**PSEUDO-COPULAS IN THE RUSSIAN OF THE XVIIth CENTURY**

The aim of the article is to describe the system of pseudo-copulas in the Russian language of the XVIIth century. Pseudo-copulative verbs of the XVIIth century were less numerous and less used than in Modern Russian. Pseudo-copulas of the period are characterized by diversity of syntactical characteristics; this peculiarity characterized even pseudo-copulas that had similar meaning. Some pseudo-copulas were limited in their use to some types of texts and their meaning differed from modern meaning. All these facts permit to conclude that the system of pseudo-copulative verbs was in the making.

**Keywords:** compound nominal predicate, copula, historical syntax, Russian.